



МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СЕМЁНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Труды XI Всероссийской научной конференции
с международным участием памяти профессора
В. Ф. Семёнова («Семёновские чтения»)

г. Москва, 24 марта 2018 г.



Москва
2019

Сборник статей
Семёновские чтения

«МПГУ»

2019

УДК 94(3)+94«04/14»(063)
ББК 63.3(03)3:63.3(04)я434

Сборник статей

Семёновские чтения / Сборник статей — «МПГУ», 2019

ISBN 978-5-4263-0737-7

Сборник представляет собой публикацию материалов, представленных на XI Всероссийскую научную конференцию с международным участием памяти профессора В. Ф. Семёнова («Семёновские чтения»). Издание включает статьи и тезисы, посвященные актуальным проблемам Античности и Средневековья. Представленные материалы отражают современные методы и подходы к историческим исследованиям. Сборник адресован профессиональным историкам, специалистам в области гуманитарных знаний, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами всеобщей истории. 2-е издание.

УДК 94(3)+94«04/14»(063)
ББК 63.3(03)3:63.3(04)я434

ISBN 978-5-4263-0737-7

© Сборник статей, 2019
© МПГУ, 2019

Содержание

Пленарное заседание	5
Сотрудничество и противоречия: Швеция, Дания и Норвегия в рамках Кальмарской унии (1397–1523 гг.)	5
Межгосударственные отношения в эпоху античности	12
Роль оракулов знаков в политическом дискурсе в Греции в V в. до н.э	12
Римско-иранские межгосударственные отношения при ранних Сасанидах (III в. н.э.)	18
Внешнеполитическая стратегия как фактор политогенеза (на материале северных фракийцев)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Семёновские чтения Труды XI Всероссийской научной конференции с международным участием памяти профессора В. Ф. Семёнова («Семёновские чтения»), г. Москва, 24 марта 2018 г

Пленарное заседание

Сотрудничество и противоречия: Швеция, Дания и Норвегия в рамках Кальмарской унии (1397–1523 гг.)

Щеглов А.Д.

*доктор исторических наук, доцент Московский педагогический
государственный университет*

Аннотация: В 1397 году в городе Кальмаре, в связи с коронацией монарха Эрика Померанского, Швеция, Дания и Норвегия, наряду с принятием акта о коронации, заключили соглашение о вечной унии. Обстоятельства создания документа не вполне ясны; текст имел ряд странных особенностей, его юридическая сила являлась спорной; в дальнейшем многие политические деятели Скандинавских стран не имели точного представления о содержании договора. У Кальмарской встречи в формальном отношении оказалось два итога: надлежащим образом оформленная, всеми признанная личная уния под властью Эрика Померанского и спорная, мало афишируемая бессрочная уния. Реальным итогом стала фактическая уния, история которой стала историей сотрудничества, противоречий, конфликтов, поисков компромисса, столкновения политических принципов, борьбы за власть между фракциями магнатов.

Ключевые слова: история, международные отношения, Средние века, скандинавские страны, Кальмарская уния

Annotation: In 1397, in the city of Kalmar, in connection with the coronation of King Erik of Pomerania, two documents were passed by the delegates from Sweden, Denmark and Norway – the coronation act and the treaty on eternal union. The circumstances, under which the latter document was created, were somewhat obscure; the text had strange peculiarities, and its legal force could be put into question. Subsequently, many prominent Scandinavian politicians lacked a definite knowledge of the contents of the union treaty. Regarding the formal aspect of the meeting of 1397, there were two different results: 1) the perfectly drawn, commonly acknowledged act on the personal union, and 2) the ambiguous, loosely known agreement on the eternal alliance. Yet the practical outcome consisted in the fact that the union became a reality. Its history was full of contradictions, cooperation

and conflicts, search of compromise, clashes of political interests and struggle for power between Scandinavian noble factions.

Key words: history, international relations, the Middle Ages, scandinavian countries, the Union of Kalmar

В истории Дании, Швеции и Норвегии период с конца XIV по начало XVI века – особое время. Формально сохраняя самоуправление, эти королевства заключили союз под властью общего монарха. Соглашение было составлено в 1397 году в шведском городе Кальмаре; отсюда название союза – Кальмарская уния.

У унии имелись предпосылки: историческая общность скандинавов, близость языков и культуры, сотрудничество магнатов, возникновение «скандинавской» знати с владениями по разные стороны границ. Скандинавами был уже накоплен опыт личных уний – шведско-норвежской, норвежско-датской [1, с. 405–430; 2, с. 114–128].

Во второй половине XIV в. в условиях внутривосточной борьбы часть шведских магнатов провозгласили королем Швеции Альбрехта Мекленбургского (1364–1389 гг.). В дальнейшем усилились противоречия между магнатами и монархом, обострилась борьба за лены. В ходе конфликта оппозиционеры взяли курс на союз с Данией и Норвегией. К этому времени произошли изменения династического характера. После смерти датского короля Вальдемара IV Аттердага и норвежского монарха Хокона Магнуссона королем Дании и Норвегии был провозглашен Олаф Хоконссон, сын Хокона Магнуссона и его вдовы, дочери Вальдемара Аттердага – Маргреты. Несовершеннолетний король, попечительницей которого являлась Маргрета, имел права и на шведский престол.

В 1387 г. Олаф Хоконссон умер. Регентшей Дании и Норвегии была провозглашена Маргрета. К ней обратились за помощью шведские противники Альбрехта Мекленбургского, объявив ее правительницей своей страны. В ходе борьбы с мекленбуржцами фактически сложилась скандинавская уния – союз, юридически закрепленный в 1396 г., когда королем Дании и Швеции был провозглашен внучатый племянник Маргреты – герцог Эрик Померанский, ранее, в 1388 г., ставший также королем Норвегии.

Летом 1397 г. Маргрета и Эрик прибыли в Кальмар, где было создано собрание государственных советников и других аристократов трех стран. Результатом совещания стало принятие двух документов: акта о коронации Эрика Померанского и соглашения о союзе трех государств.

Первый из документов, датированный пятницей после дня святого Кнута (13 июля), записан на пергамене и создан от имени всех шестидесяти семи участников встречи. Акт объявлял о коронации Эрика Померанского на шведский, норвежский и датский престол и о признании его власти над тремя королевствами. Второй документ – договор о вечной унии – датирован тем же 1397 годом, но днем святой Маргариты, который по разным календарям выпадал на 13 или на 20 июля. В заключительной части акта перечислены лица, от имени которых он создан: архиепископы Лундский и Упсальский, епископы Роскильльский и Линчёпингский, пять шведских и четыре датских рыцаря, настоятель кафедрального собора в Осло и три норвежских рыцаря – всего 17 человек. В соглашении указывалось, что документ должен быть скреплен их вислыми печатями. В действительности только десять из перечисленных лиц приложили печати, причем непосредственно под текстом соглашения. Документ был записан на бумаге, содержал описки и исправления.

В документе говорилось: он создан в связи с избранием Эрика Померанского королем Дании, Швеции и Норвегии. Король Эрик в течение жизни будет союзным монархом. После его смерти королевствам также надлежит иметь общего суверена; он должен быть избран в каждой из стран. Если у предыдущего монарха имеются сыновья, королем следует избрать одного из них. Между королевствами заключается союз. Каждая из стран во внутренних делах руководствуется своим правом, а король довольствуется полномочиями, которыми его наделяют

законы и обычаи данной страны. Законы одного из королевств не могут применяться в другом. Страны-участницы унии не должны воевать друг с другом, «но, да будут все как одно королевство под одним королем». Они обязаны оказывать друг другу военную помощь и не предоставлять убежище лицам, объявленным в любом из трех королевств вне закона. Король, в каком бы из этих королевств он ни находился, и «те его советники, которые там будут присутствовать, но обязательно по сколько-то от каждого королевства», получают полномочия вести международные переговоры и заключать внешние соглашения от имени всех стран-участниц унии.

В завершающей части документа содержалось обязательство изготовить акты о заключении унии, содержащие перечисленные положения, по два экземпляра для каждого из королевств, выполненные на пергамене и скрепленные печатями короля, правительницы Маргреты, членов государственных советов, а также торговых городов Дании, Швеции и Норвегии [3, s. 31–37].

Свидетельства о том, что указанные экземпляры были созданы, отсутствуют. Известно другое: в 1425 г. в Дании по повелению короля Эрика была изготовлена нотариальная копия договора [3, s. 36]. В акте указывалось: оригинал, написанный на бумаге, не имеет повреждений. На соглашении сохранились три печати: архиепископов Якоба и Хенрика, а также рыцаря Стена Бенгтссона. Из остальных печатей, ввиду их древности или по другим причинам некоторые повреждены, некоторые уничтожены. Таким образом, договор имел тот же вид, что и сегодня. При этом вероятно, что большинство печатей, которыми скреплено соглашение, были повреждены намеренно.

Кальмарская уния и обстоятельства ее заключения начали привлекать внимание историков уже в XVI в. Первым автором, который в историческом сочинении указал, что на встрече в Кальмаре было заключено соглашение об унии, стал богослов и хронист Олаус Петри. Новая стадия в изучении унии наступила на рубеже XVI–XVII веков, когда датский историк Арильд Витфельд обнаружил текст союзного договора и опубликовал его в своей хронике.

С конца XVIII в. ученые стали обращать внимание на странные особенности документа. Из шестидесяти семи аристократов, что присутствовали на съезде в Кальмаре, в качестве учредителей унии указаны только семнадцать. Нет сведений, что указанные семнадцать человек были наделены полномочиями. Отсутствуют данные о выполнении обязательства изготовить по два экземпляра для каждого из королевств. Ученые предположили, что дошедший до нас текст носил предварительный характер и не был ратифицирован странами – участницами унии.

Начиная с трудов датского специалиста К. Палудан-Мюллера (40 годы XIX в.), объектом анализа стала форма акта: употреблена бумага, а не пергамен; печати поставлены прямо под текстом; из семнадцати участников соглашения печати приложили только десять, хотя согласно договору должны присутствовать все семнадцать печатей.

Палудан-Мюллер предположил, что документ представлял собой протокол о намерениях, созданный скандинавскими магнатами. Он не устроил Маргрету и не был ратифицирован [4].

С иной концепцией выступил шведский ученый У.С. Рюдберг. Он подверг анализу поставленные под документом печати. Итог был таков: гарантами договора выступили семь шведов и три датчанина; норвежских печатей под документом нет. Рюдберг пришел к выводу: Кальмарское соглашение являлось не проектом или предварительным протоколом, а проработанным документом. Перечисленные 17 человек, очевидно, являлись авторитетными участниками встречи, уполномоченными подписать союзный договор. Но этот договор не вступил в силу, поскольку в полном составе поставили печати представители только одной из стран – Швеции, а из шести датчан это сделали лишь трое. Главным обстоятельством, которое привело к срыву соглашения, стал отказ норвежцев присоединиться к договору, после чего не было смысла создавать шесть официальных экземпляров [5, s. 567–595].

С других позиций рассматривал документ Л. Вейбуль. Анализируя форму акта, он сделал вывод: акт является проектом договора, но не трехстороннего, а двустороннего – между скандинавскими аристократами и правительницей Маргретой. Разногласия двух сторон привели к тому, что соглашение не было утверждено [6, s. 115–142].

Значительное влияние на исследования Кальмарской унии оказала концепция Э. Лённрута. В документах унии, по мнению Лённрута, отразилась разница программ: монархической, проводимой в жизнь датским режимом, и конституционной, выражавшей интересы шведских магнатов. Если в документе о коронации подчеркивалось, что Эрик Померанский является общескандинавским королем «Божьей милостью», «во имя Бога», то в соглашении об унии не говорилось, что союзная власть монарха – от Бога. Напротив, акцентировалось, что король избран. Его полномочия делегированы снизу, сословными группами стран-участниц соглашения, и прежде всего аристократией. В связи с этим власть короля ограничена законодательством.

Подобная программа, считал Лённрут, не устраивала Маргрету, целью которой была сильная скандинавская монархия с наследственной властью датского короля. Отсюда, по мнению Лённрута и его последователей, следовал провал соглашения; программные расхождения между шведской аристократией и датскими правителями унии обусловили борьбу в период тройственного союза [7, s. 32–67].

Датский исследователь А. Э. Кристенсен полагал: на характере союза сказалась позиция аристократов Дании. Во многом их интересы совпадали с интересами королевской власти. Однако усиление монарха в то же время представляло угрозу для их прав и свобод, ресурсов, военного и политического могущества. Поэтому в ряде моментов истории датские магнаты, выступая за ограничения власти союзного монарха, проявляли солидарность со шведскими аристократами: сословные интересы возобладали над государственными [8, s. 44–60].

Характерные особенности имела интерпретация проблемы специалистами Норвегии. Они разделяли мнение, что роковую роль на кальмарских переговорах сыграли норвежские участники. Норвежская делегация в Кальмаре была значительно менее представительной, чем шведская и датская: отсутствовали архиепископ, епископы, канцлер королевства. Возможно, присутствовавшие на встрече норвежцы не имели полномочий заключать подобные соглашения. Наконец, для Норвегии, которая, в отличие от Дании и Швеции, являлась наследственной монархией, принятие условий унии было чревато серьезными политико-правовыми изменениями.

В связи с этим у ученых возникла гипотеза: участники встречи в Кальмаре заключили предварительное соглашение. Текст был отправлен в Норвегию, чтобы государственные мужи этой страны могли с ним ознакомиться. Норвежцы, очевидно, сочли условия неприемлемыми: уния, по словам историка Х. Кута, «была похоронена в Норвегии» [9, s. 73–104].

Исследователи конца XIX – середины XX в. опирались на вывод У. С. Рюдберга о том, что под текстом соглашения нет норвежских печатей. Однако в 1960 г. была опубликована работа Н. Скъюм-Нильсена, обнаружившего в штудиях Рюдберга недочеты. Анализ показал: одна из печатей могла принадлежать норвежскому делегату. В связи с этим ряд исследователей пересмотрели свои концепции: отказ норвежцев присоединиться к соглашению уже не расценивался как очевидный факт [10, s. 1–40].

Последующие историки обобщили накопленный опыт. Опираясь на предшествующие работы, договор проанализировал Кристенсен А. Э. Его интерпретация такова. Известно, что в 1396 г., за год до кальмарской встречи, обсуждалось заключение договора, содержащего обязательство не вести друг с другом войну и не проводить внешнюю политику, ущемляющую интересы какого-либо из трех королевств. Однако на переговорах 1397 года был поднят и вопрос о вечном политическом союзе. Разногласия, очевидно, оказались велики; полноценного договора заключено не было. Были созданы своего рода протокол встречи и акт о коронации.

Результатом стало создание скандинавской монархии под властью датского режима, что и было целью Маргреты. В то же время документ касательно унии рассматривался как имеющий значение: об этом свидетельствует хранение в королевской канцелярии среди особо важных актов. Участники переговоров не взяли на себя ответственность за утверждение договора, а последующая ратификация по каким-то причинам не состоялась. Тем не менее, документ, оказавшийся, таким образом, неутвержденным проектом, был скреплен печатями части участников переговоров. Маргрете и Эрику Померанскому этот документ был необходим – как акт о вечном, а не временном союзе, как основание для шведской и норвежской военной помощи и как гарантия того, что противники Маргреты или Эрика не получают убежища в Швеции или Норвегии. Союзный договор был нужен датским правителям унии и как доказательство престижа их монархии, в частности в свете переговоров о династических браках Эрика Померанского и его сестры с наследниками английского престола.

Отношение современников к документу являлось противоречивым. Многие письменные памятники скандинавских стран XIV–XV вв., повествующие о событиях 80–90-х годов XIV в., содержат сведения об избрании Эрика Померанского королем Швеции, Дании, Норвегии, а также о коронации в Кальмаре. Однако относительно вечного союза анналы и хроники молчат. Очевидно, что содержание договора и факт его заключения либо не афишировались, либо игнорировались [11, s. 166–171].

Многое в истории акта об унии 1397 г. останется тайной. При отсутствии сведений о ходе переговоров суждения историков носят гипотетический характер. До нас дошел результат: на Кальмарской встрече были приняты два документа. Первый – акт о коронации – проработан, утвержден и надлежащим образом оформлен. Второму документу – договору об унии – придан своего рода полуофициальный характер. У Кальмарской встречи 1397 г., таким образом, в формальном отношении было два итога: надлежащим образом оформленная, всеми признанная личная уния под властью Эрика Померанского и юридически спорная, мало афишируемая бессрочная уния. Реальным итогом стала фактическая уния.

Через некоторое время обострились противоречия союзного режима с различными группами населения Швеции и Норвегии, а также с дворянской оппозицией в Дании. В Швеции около 1434 г. началось восстание, возглавленное незнатным дворянином, сыном горного мастера Энгельбректом Энгельбректссоном. Восстание потерпело поражение, но нанесло удар по режиму Эрика Померанского. Вскоре вспыхнули восстания в Норвегии и в Дании. В 1439 г. датские и шведские аристократы объявили о свержении Эрика Померанского. В 1440 г. датчане провозгласили королем герцога Кристофера Баварского. Так был нарушен договор 1397 г., согласно которому скандинавам надлежало сообща избирать монарха. Вскоре Кристофер Баварский был провозглашен королем Швеции, а затем и королем Норвегии. Идея союзной монархии осталась актуальной, но политико-правовые основы унии следовало возродить или создать заново.

Интересы магнатов различались. Датские аристократы в основном стремились к сохранению унии. В Швеции сформировались два крыла аристократии. Одно – продатское – было заинтересовано в короле, который не вмешивался бы в политику магнатов, оказывал им поддержку. Другое крыло сделало ставку на правителя из своей среды, на которого магнаты могли бы опереться. В национальном правителе были заинтересованы и мелкие дворяне, бюргеры, горные мастера, свободные крестьяне. Народ верил, что правитель-швед сократит налоги, защитит от произвола. Схожая расстановка сил присутствовала в Норвегии. Часть магнатов стремилась опереться на датского короля, сблизиться с датской аристократией. Другие аристократы (и представители иных слоев населения) добивались самоуправления, соблюдения местных традиций.

После смерти Кристофера Баварского (1448 г.) вновь началась сложная политическая борьба. В Дании королем был провозглашен граф Кристиан Ольденбургский (Кристиан I,

1448–1481 гг.). В Швеции также возобновилась борьба за власть; победили сторонники Карла Кнутссона – противники унии под властью датского короля.

На норвежский престол претендовали Кристиан I и Карл Кнутссон. Норвежская знать разделилась. Летом 1449 года на заседании государственного совета – риксрода в Осло было принято решение избрать Кристиана I. Однако сторонники Карла Кнутссона пригласили в Норвегию короля Карла. Жители восточных областей Норвегии провозгласили Карла королем. Несмотря на народную поддержку, которую имел Карл Кнутссон, большинство членов риксрода являлись сторонниками Кристиана I, который победил в борьбе за норвежский престол.

На шведско-датских переговорах весной 1450 г. стороны заключили договор: после смерти Кристиана I и Карла Кнутссона Швеция и Дания будут находиться в вечной унии под властью короля, которого выберут представители Швеции и Дании. Внутренним управлением каждого из королевств будут веждать его жители. Норвегии предоставлялась возможность присоединиться к договору. Соглашение не было претворено в жизнь; через некоторое время Дания и Норвегия заключили сепаратный договор о двусторонней унии.

В Швеции участниками борьбы за власть и за лены стали три коалиции. Первую возглавили выходцы из родов Оксеншерна и Васа, которые нередко поддерживали датского монарха. Оппозицию составили Карл Кнутссон и его сподвижники. При их поддержке Карл Кнутссон дважды приходил к власти. Третьей силой явился клан Аксельссонов – магнатов, имевших владения в Дании и Швеции. Несмотря на датское происхождение, Аксельссоны, из-за противоречий с королем Дании, примкнули к шведской патриотической оппозиции. Последовал новый этап борьбы, завершившийся победой «антидатской» фракции.

Карл Кнутссон вновь взошел на трон. В Швецию вторглось войско Кристиана I. В ходе войны умер Карл Кнутссон; регентом Швеции был провозглашен Стен Стуре старший. Война окончилась в 1471 г. битвой при холме Брункеберг близ Стокгольма. Рыцари, наемники и союзники Кристиана I потерпели поражение от рыцарей и ополченцев, возглавляемых Стеном Стуре. В шведской историографии эта победа долгое время преподносилась как веха в освободительной борьбе. Современные историки уточняют: сражение 1471 г. явилось итогом противостояния двух шведско-датских дворянских группировок.

Смерть Кристиана I (1481 г.) и восшествие на датский престол его сына Ханса создали возможность для переговоров. Вопрос о восстановлении унии был вынесен на совещание летом 1482 г. Норвежская делегация на переговоры не прибыла. Встреча приобрела характер шведско-датских переговоров. Было принято решение о возобновлении тройственной унии и выработан проект нового союзного договора.

Однако вопрос о возрождении унии требовал участия делегатов всех трех королевств. Была назначена новая встреча магнатов в Хальмстаде в январе 1483 года, на которую прибыл король Ханс. Но на сей раз не явилась шведская делегация. Переговоры приняли двусторонний характер. Их результатом явилось создание Хальмстадского рецесса – договора об условиях признания Ханса норвежским монархом. Вопрос о возведении Ханса на шведский престол остался открытым. Для его решения было назначено очередное совещание, которое началось в конце августа 1483 г.

Результатом совещания стал так называемый Кальмарский рецесс 1483 г. Многие из его положений имелись и в более ранних постановлениях и проектах – например, обязательства править в соответствии с местными законами, не отдавать в залог замки и лены, не сокращать доходы короны. Однако король Ханс не ратифицировал рецесс [12, s. 20–53]. На очередных шведско-датских переговорах в Кальмаре в 1484 г. был заключен лишь договор о вечном мире; вопрос о возведении Ханса на шведский престол разрешения не получил. Последовали новые попытки переговоров и конфликты, кульминацией которых стали Стокгольмская кровавая баня (расправа короля Кристиана II над шведскими оппозиционерами) и восстание под

руководством Густава Эрикссона Васы – будущего короля Швеции. В 1523 году Швеция окончательно вышла из унии.

Таким образом, история Кальмарской унии – это история сотрудничества и противоречий. До середины XX века ученые находили в Кальмарской унии историю взаимодействия государств – Дании, Швеции, Норвегии. Затем обрела популярность иная трактовка: история Кальмарской унии – прежде всего история борьбы политических принципов. Позднее специалисты стали понимать природу Кальмарской унии иначе, подчеркивая, что важность имели не только программные расхождения, но и борьба за власть между политическими фракциями, которые подчас включали в себя магнатов разных скандинавских стран.

Список использованных источников и литературы

1. *Сванидзе А.А.* Северная Европа в XII–XV вв // История Европы. М., 1992. Т. II. С. 405–430.
2. *Сванидзе А.А.* Швеция в период Кальмарской унии. Начало сословной монархии (конец XIV – начало XVI в.) // История Швеции. М., 1974. С. 114–128.
3. *Norges gamle love. Række II / Utg. A. Taranger.* Christiania, 1912. Bd. I. 288 S.
4. *Paludan-Müller C.* Observationes criticae de foedere inter Daniam, Sveciam et Norvegiam auspiciis Margaretae reginae icto / C. Paludan-Müller. København, 1840.
5. *Sveriges traktater med främmande makter jemte andra dit hörande handlingar / Utg. O.S. Rydberg.* Stockholm, 1883. Bd. II.
6. *Weilbull L.* 1397 års unionsbrev och dess rättsgiltighet. Scandia. Stockholm, 1931. Bd. 4. S. 115–142.
7. *Lönnroth E.* Unionsdokumenten i Kalmar 1397. Stockholm et al., 1958. B. 24. S. 32–67.
8. *Christensen A.E.* Erik af Pommerens danske kongemagt. Stockholm, 1951. Bd. 21. S. 44–60.
9. *Koht H.* Dronning Margareta og Kalmar-unionen. Oslo, 1956.
10. *Skyum-Nielsen N.* Ett videnskabeligt falsum i debatten om Kalmarunionen. Stockholm, 1960. Bd. 26. S. 1–40.
11. *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik. Copenhagen, 1980.
12. *Carlsson G.* Kalmar recess 1483. Stockholm, 1955.

Межгосударственные отношения в эпоху античности

Роль оракулов знаков в политическом дискурсе в Греции в V в. до н.э

Горохова А.В.

кандидат исторических наук, доцент Московский педагогический государственный университет

Аннотация: Автор приходит к выводу, что оракулы знаков играли значительную роль в политической жизни Греции в V в. до н.э. Это удается проследить благодаря обращениям Кимона, Алкивиада и Лисандра к оракулам Зевса в Додоне и Зевса Амона в Ливии. Проведенный сравнительный анализ характера обращений показал, что все три политика желали заручиться поддержкой оракулов знаков для осуществления своих замыслов во внутренней и внешней политике.

Ключевые слова: Оракулы знаков, Додона, Амон, Кимон, Алкивиад, Лисандр.

Annotation: Author comes to the conclusion that lot oracles took considerable part in the political life of Greece in V BCE. Consultations of Cimon, Alcibiades and Lysander in the shrines of Dodona and Libya give us a remarkable evidence of that fact. Comparative analysis of the consultations revealed that politicians tried to gain oracles' support in their home and foreign policy.

Key words: Lot oracles, Dodona, Amun, Cimon, Alcibiades, Lysander.

Религиозная и политическая жизнь в Древней Греции были тесно переплетены. Сложно себе представить деятельность отдельного политического лидера, замыслившего провести тот или иной амбициозный план без опоры или поддержки религиозных центров Эллады. Однако, к концу V в. до н.э. произошла определенная эволюция религиозного сознания эллинов [14]. Несомненно, это не могло не сказаться на общем плане консультаций политиков, в частности, с таким влиятельным святилищем как Дельфы. Тем не менее Дельфы были отнюдь не единственным религиозным центром Эллады. Экстатические оракулы, ярким представителем которых был дельфийский, всегда находились в центре внимания политиков. Прежде всего это можно объяснить характером пророчеств-ответов, которые можно было трактовать в ту или иную пользу. В связи с этим возникает ряд вопросов, которые требуют отдельного исследования. Что собой представляли оракулы знаков? Обращались ли к ним политики и как часто это имело место быть? Какова была роль оракулов знаков в политическом дискурсе?

Под оракулами знаков принято подразумевать те святилища, где жрецы давали прорицания, интерпретируя природные явления или же вытягивая жребий. Среди оракулов знаков самым знаменитым и древним был оракул в Додоне. Исследователи до сих пор не могут прийти к общему мнению в вопросе о времени возникновения святилища с оракулом [18, с. 40]. Однако первые сведения о нем содержатся в «Илиаде» [2, XVI, 233 сл.].

Павсаний говорит, что будущее предрекали по «воркованию голубей и шелесту священного дуба» [7, VII, 21, 1]. Знамения истолковывали жрецы или три жрицы, для этого необходимо было особое вдохновение. Г. Парк полагает, что прорицания в Додоне отчасти воспроизводило обряды Дельф [24, с. 91], где в период расцвета святилища пророчествовали три пифии. Мысль на сравнение со святилищем в Пифо также наводит своеобразный способ предсказа-

ния будущего, о котором говорит Платон. В диалоге «Федр» [10, 244, b] философ сравнивает додонских жриц с Пифией («дельфийская прорицательница и додонские жрецы находились в состоянии исступления»), т.о., для толкования знамений было необходимо вдохновение, что не являлось особенностью знаковых оракулов. Поэтому Додонское святилище существенно отличалось от других оракулов этой подгруппы.

Для того чтобы вызвать вдохновение, проводились разные подготовительные, священные обряды (вроде омовений, курений, жертвоприношений и т. п.), но о них не сохранилось определенных сведений. Здесь также проводилось гадание по жребию, сведения об этом содержатся в труде Цицерона [16, I, 34, 76]. Вопросавшие на свинцовых табличках [25, с. 100, с. 259] писали свои вопросы Зевсу, затем их сгибали так, чтобы не было видно надписи, сделанной вопрошавшим. Сверху таблички ставили инициалы, или писали имя, чтобы можно было узнать, кому бог дал утвердительный или отрицательный ответ. Таблички складывали в сосуд, из которого жрица их потом извлекала и в тоже время знаком [24, с. 92] показывала, был ли ответ бога благоприятным или же неблагоприятным. При происхождении этого вида гадания Г. Парк также указывает на возможность его заимствования из Дельф [24, с. 92].

На наш взгляд это утверждение можно поставить под вопрос, поскольку не существует прямых сведений о том, что гадание по жребию в Дельфах было древнее, чем в Додоне. Также необходимо отметить, что этот тип гадания считался в Греции одним из наиболее древних и самых правильных [10, 244, a]. Таким образом, с тем же успехом можно предположить, что практика предсказания по жребию была заимствована Дельфами из Додоны.

В источниках также есть упоминания о «додонской меди». Это был пожертвованный керкирцами медный таз, поставленный на столбе, возле которого на другом столбе стояла медная статуя мальчика, державшего в руке бич из трех медных цепочек с игральными костями (*ἀστράγαλος*) на концах.

По свидетельству Страбона [26, VII, 329] эти кости касались таза и, ударяясь об него при малейшем ветерке, производили протяжные звуки. Первоначально этот дар керкирцев служил только для украшения, и выражение «додонский таз» или «додонская медь», «додонский бич» употреблялось в виде поговорки для обозначения болтливого, никогда не умолкающего человека. Возможно, в более поздние времена, производились гадания и по звукам, производимым ударами бича о таз [5, с. 178].

Упоминания об этом оракуле встречаются в римских источниках. У Сервия, написавшего комментарии к «Энеиде» Вергилия, содержатся сведения о гадании по журчанию воды источника, протекавшего у корня священного дуба [1, III, 466]. Возможно, жрицы пили эту воду для пробуждения вдохновения перед гаданием, как в Дельфах Пифия – воду Кассотидского источника [5, с. 179].

Однако Додона была далеко не единственным святилищем в Элладе, в котором существовала практика предсказания будущего посредством оракулов знаков. Среди прочих святилищ можно упомянуть Дельфы, Олимпию и др. Тем не менее, в контексте данного исследования особый интерес представляет святилище Зевса Амона в Ливии, поскольку рассмотренные ниже три случая обращения греческих политиков, к оракулам этого типа также связаны с ним.

Античная традиция оставила крайне мало упоминаний о роли оракулов знаков в политической истории Эллады V в. до н.э. Однако, известно, что такие случаи все же были. Особый интерес представляет обращение к оракулу Амона афинского полководца Кимона. По свидетельству источников, после одержанных побед в ходе Греко-персидских войн афиняне в 459 г. до н. э. вмешались во внутренние дела Персии, отправив на помощь повстанцам в Египте флот 200 кораблей [27, I, 104; 109-110], [3, IX, 71; 74-75; XII, 3]. Затем в 450-449 гг. до н.э. военные действия велись на Кипре. Во главе афинских войск стоял незаурядный политик Кимон, он нанес стремительное поражение персидскому флоту недалеко от кипрского города Саламина.

По свидетельству Плутарха, Кимон также стремился организовать вторичный поход против Египта, при этом античный автор красочно повествует о тех неблагоприятных знаменьях, которые сопутствовали политике в этом походе. У него же мы находим сведения о том, что Кимон отправил посланников к оракулу Амона [11, 18], хотя автор не говорит, с какой целью они были туда отправлены, можно предположить, что политик пытался заручиться поддержкой иноземного божества в своем завоевательном походе. При этом Плутарх передает весьма туманно, что бог Амон повелел удалиться, так как «...сам Кимон находится-де уже при нем». Посланцы же прибыв в лагерь греков, находившийся тогда у границы Египта, узнали, что Кимон умер. Подсчитав, прошедшее количество дней с того момента как бог отослал их назад, они поняли, что слова бога говорили о кончине Кимона.

Не исключено, что смерть политика по прошествии столь долгого времени обросла разными легендами, о которых упомянул Плутарх, однако нас во всей этой истории больше всего заинтересовало посольство к богу Амону. К сожалению сведения античной традиции о нем крайне скупы, и мы можем лишь догадываться об истинной цели посещения оракула. Возможно, Кимон действительно хотел спросить бога о том, сколь благоприятен будет исход предстоящих битв на территории Египта, однако настораживает вышеприведенный ответ оракула. Вероятно, Плутарх привел более позднюю версию этих событий.

Второй случай обращения к оракулу Амона связан с подготовкой к Сицилийской экспедиции амбициозного афинского политического деятеля Алкивиада. Источники дают нам все основания утверждать, что Дельфы приняли активное участие, чтобы предотвратить экспедицию. Так, жрецы из Дельф сообщили о том, что вороны истребили золотое изображение Паллады – дар Афин из добычи, захваченной у персов, но афиняне отказались в это верить, настаивая на том, что это все выдумано жрецами, подученных сиракузянами. Тогда «оракул велел доставить из Клазомен в Афины жрицу, за нею послали, и оказалось, что имя привезенной Гесихия, т. е. Тишина.

Беречь именно ее, тишину, божество наставляло тогда афинян» [13, с. 13]. Таким образом, из Дельф пришел отрицательный оракул, призывавший афинян не начинать военных действий. Возможно, такой ответ был дан в связи с негативным отношением жреческой коллегии к Афинам. Вероятно, «этот оракул скорее свидетельствует в пользу проспартанской ориентации Дельф и на этом этапе войны» [4, с. 341]. Аутентичность последнего пророчества вызывает сомнение у Г. Парка [23, с. 199]. Однако О. В. Кулишова признает данный оракул подлинным: «общий контекст сообщения Плутарха выглядит вполне достоверно» [4, с. 341].

Отрицательный ответ из Дельф поставил под сомнение начало экспедиции. Однако Алкивиад «...полагаясь на других гадателей, из каких-то древних оракулов выводил заключение, что в Сицилии афинян ждет громкая слава. И от Амона к нему явились какие-то провидцы передать предсказание, что афиняне захватят всех сиракузян» [13, с. 13], [17, с. 31]. Ответ оракула Амона, как мы видим, был благоприятным. Возможно, такое пророчество было дано в силу того обстоятельства, что слава о могуществе Афин вышла за пределы Эллады и была также известна в других странах, и поэтому не было никаких сомнений в победе Афин.

По свидетельству Павсания [7, VIII, XI, 12] афиняне перед экспедицией получили положительное вещание из Додоны – «заселить Сицилию», из чего можно сделать вывод, что жречество этого святилища поддерживало политику Афин. Однако Павсаний тут же замечает, что «...Сицилией называется небольшой холм недалеко от Афин. Они же (афиняне А. В.), не вдумавшись в смысл этого указания, втянулись в иноземные походы и в войну с сиракузянами.». Однако такая трактовка пророчества из Додоны античным автором вызывает у нас некоторые сомнения, не исключено, что она могла возникнуть уже после того, как афиняне потерпели поражение.

Третий случай обращения к оракулу Амона, античная традиция связывает с именем спартанского наварха Лисандра.

В источниках упоминается соперничество между Агисом и Лисандром, который стремился к господству над Грецией [12;13]. Вскоре после окончания войны в Спарте появилась «антилисандровская коалиция» [8, с. 440] во главе с царем Павсанием. Осенью 403 г. до н.э. оба спартанских царя объединились [12; 21], чтобы остановить Лисандра, и он, вынужден был подчиниться, приняв во внимание уничтожение «своей имперской системы» [23, с. 203].

В тоже время политик преследовал цель встать у власти Спартанского полиса. Жесткий государственный строй Спарты, основанный на законах Ликурга, не давал ни единой возможности Лисандру проникнуть в правящую элиту. Поэтому политик для изменения спартанского законодательства пытался заручиться поддержкой виднейших святилищ, поскольку спартанское общество имело обыкновение прислушиваться к директивам и нововведениям, которые были одобрены оракулами [9, I, 624]. В связи с этим, Лисандр и его друзья «организовали массированную компанию по обработке общественного мнения и подкупу влиятельных общегреческих оракулов» [20, с. 92–95].

Примечательна последовательность этого политика при обращении к оракулам. Плутарх, ссылаясь на Эфора, излагает эту историю следующим образом: «Эфор рассказывает, что его попытка подкупить Пифию и убедить через Ферекла додонских жриц потерпела неудачу, после чего он отправился к Амону и обещал много золота его прорицателям. Возмущенные, они послали гонца в Спарту с обвинением против Лисандра» [12; 25]. Для подкупа этих религиозных центров потребовались бы немалые затраты. Однако по сведениям Плутарха: «Бедность Лисандра, обнаружившаяся после его смерти, показала особенно отчетливо его добродетель» [12; 30]. Не исключено, что «значительную часть расходов могли взять на себя его многочисленные друзья и сторонники, как в Спарте, так и за ее пределами» [21, с. 311]. Свидетельством этому может служить упоминание античной традицией о его помощниках, которые участвовали в «кампании по подкупу оракулов» [8, с. 451].

В Дельфах Лисандр, учитывая опыт Писистрата, решил прибегнуть к театрализованному представлению с явлением божества. Подробности об этом мы находим у Плутарха [12; 26]. Некий Силен, который был назван сыном Аполлона, должен был изъять из архива Дельф древние предсказания, которые были доступны только божественному отпрыску, и прочесть их перед публикой, среди этих древних оракулов должны были быть и ложные пророчества Лисандра.

В этой истории упомянуты жрецы-соучастники, это наводит на мысль, что у политика были сторонники среди жрецов, которым была отведена одна из главных ролей, они должны были признать Силену сыном Аполлона. Возможно эти же жрецы имели прямое отношение к фальсификации оракулов Лисандра. Если бы Дельфы поддержали политика, спартанское общество, несомненно, приняло бы его реформы [23, с. 204]. Однако этому не суждено было произойти «из-за робости одного актера и соучастника» [12; 26]. Возможно, после этого внутреннего скандала в Дельфах, было проведено расследование и жрецов-соучастников обвинили в фальсификации оракулов [12; 25].

Неудача в Дельфах Лисандра не остановила, он решил обратиться к оракулу в Додоне. Здесь он действовал через Ферекла, однако попытка склонить на свою сторону жречество не завершилась успехом. По мнению Эд. Мейера подкуп оракулов оказался невозможным, поскольку они предпочитали реальную власть, мнимой, олицетворением которой был Лисандр [22, с. 48]. Нельзя не согласиться с мнением Л. Г. Печатновой о том, что такие религиозные центры как Дельфы «являлись принципиальными противниками слишком радикальных течений в политике и были ближе к официальной Спарте уже в силу общего для них консерватизма. Дельфы сочувствовали скорее законному правительству, чем группе радикалов, возглавляемых Лисандром» [8, с. 47]. После неуспешного обращения к оракулу в Додоне, политик решил попытать счастья в святилище Амона.

Обращение к последнему оракулу произошло примерно весной или летом 402 г. до н.э. [8, с. 442]. Политик хотел заручиться поддержкой иноземного оракула, поскольку этот религиозный центр был широко известен в греческих кругах [6, с. 170; 12; 20; 25; 7, III, 18; 3; 3, XIV; 13, с. 6–7]. Спартанский полис был в тесных отношениях с этим святилищем, благодаря посредничеству Кирены. Возможно, Лисандр рассчитывал на поддержку жречества святилища Амона, поскольку у него могли быть там определенные связи, благодаря которым он мог оказать давление на жрецов. Не исключено, что члены семьи Лисандра были проксенами царя Кирены [15, с. 16; 19, с. 34], на это также косвенно указывает имя брата Лисандра, которого звали Либий [3, XIV; 13; 6].

Не смотря на все усилия политика, это предприятие закончилось скандалом, при этом источники не говорят, по какой причине Лисандр потерпел неудачу в святилище Амона. Известно, что он был привлечен в Спарте к суду по заявлению жрецов Амона [12; 25; 3, XIV; 13; 7]. Однако политик был оправдан, что возмутило ливийцев [12; 25].

Таким образом, роль оракулов знаков в V в. до н.э. была велика. Каждый из упомянутых политиков обращался в святилище Амона. Вероятно, это можно объяснить тем, что данный оракул пользовался определенной популярностью в греческих кругах, поскольку процедура предсказания будущего в этом святилище напоминала одну из тех, которые существовали в Додоне. Однако Кимон проигнорировал греческие прорицалища, вероятно это было связано с тем, что политик изначально хотел заручиться поддержкой иноземного оракула в своем Египетском походе.

В свою очередь Алкивиад и Лисандр вынуждены были обратиться не только в Дельфы и Додону, но и к оракулу Амона, поскольку оба политика получили либо отрицательный оракул столь важного и авторитетного святилища как Дельфы или же, отказ жречества от участия в авантюрах. Поскольку поддержки греческих святилищ им казалось явно недостаточно (в случае с Лисандром их подкуп не увенчался успехом), то для достижения своих политических целей и амбиций оба политика обратились к оракулу Амона, где Лисандр в отличие от Алкивиада, также потерпел неудачу.

Список использованных источников и литературы

1. *Вергилий. Энеида* / пер. С. Ошерова. СПб., 2018.
2. *Гомер. Илиада* / пер. Н.И. Гнедича; изд. подг. А.И. Зайцев. Л., 1990.
3. *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. IV–VII. Греческая мифология* / пер. с греч. О.П. Цыбенко. СПб., 2005.
4. *Кулишова О. В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.)*. СПб., 2001.
5. *Латышев В. В. Очерк греческих древностей*. СПб., 1997. Т. 2.
6. *Нильссон М. Греческая народная религия* / пер. с англ. С. Клементьевой. СПб., 1998.
7. *Павсаний. Описание Эллады* / пер. С.П. Кондратьева. СПб., 1996.
8. *Печатнова Л. Г. История Спарты. Период архаики и классики*. СПб., 2002.
9. *Платон. Законы // Законы, послезаконие, письма* / пер. А.Я. Слинин. СПб., 2014.
10. *Платон. Федр* / пер. А.А. Глухова. СПб., 2017.
11. *Плутарх. Кимон. // Избранные жизнеописания* / пер. С.С. Аверинцева, В.В. Петуховой. М., 1990.
12. *Плутарх. Лисандр // Избранные жизнеописания* / пер. М.Е. Сергеевко. М., 1990.
13. *Плутарх. Никий // Избранные жизнеописания* / пер. Т.А. Миллер. М., 1990.
14. *Суриков И.Е. Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид, Аристофан в их отношении к полисной религии Афин VII–V вв. до н.э.* М., 2002.

15. *Beloch K. J.* Geschichte Geschichte. Bd. III, Berlin; Leipzig, 1922.
16. *M. Tullius Cicero.* De divinatione / Edidit R. Giomini // M. Tullius Cicero. Scripta quae manserunt omnia. Leipzig, 1975.
17. *Fakhry A.* The Egyptian deserts Siwa Oasis. Its History and Antiquities. Cairo, Government Press, Bulâq, 1944.
18. *Farnell L. R.* The Cults of Greek States. Vol. I., Oxford., Clarendon Press, 1896.
19. *Herman G.* Ritualised friendship and the Greek city. Cambridge, 1987.
20. *Hamilton C.* Sparta's Bitter Victories. Ithaca; New York; London, 1979.
21. *Hamilton C.* Spartan Politics and Policy, 405-401 B. C. // AJPh. Vol. 91. 1970, №3, 294-314.
22. *Meyer Ed.* Geschichte des Altertums Bd. V., Stuttgart; Berlin, 1902.
23. *Parke H. W., Wormell D. E. W.* The Delphic Oracle. Oxford, 1956. Vol. I-II, Vol. I.
24. *Parke H. W.* Greek Oracles. London, 1967.
25. *Parke H. W.* Oracles of Zeus: Dodona, Olympia, Ammon. Cambridge, 1967.
26. *Straboni Geographica / Recognovit A. Meineke.* Vol. 1-3. Lipsiae, 1877.
27. *Thucydidis Historiae / Recensuit C. Hude.* Vol. I-II. Lipsiae, 1901.

Римско-иранские межгосударственные отношения при ранних Сасанидах (III в. н.э.)

Мурадова Ш.С.

магистр истории, преподаватель ГБОУ Школа № 1613 г. Москвы

Аннотация : в III в. н.э. в Передней Азии появляется новое государственное образование – Сасанидский Иран. Новая династия приступает к реализации своей внешнеполитической доктрины, суть которой заключалась в восстановлении Персидской державы в границах царства Ахеменидов. Однако на Западе персы имели сильнейшего соперника в лице Римской империи. Отношения между двумя государствами на протяжении нескольких столетий представляли собой череду военных конфликтов и столкновений за гегемонию в переднеазиатском регионе. Новая война с Римом в 260 г. нанесла полное поражение имперским войскам, в результате римский император был пленен восточными завоевателями. Итак, что же способствовало военным успехам персов в отношении с Римом после серии конфликтов парфян?

Ключевые слова: парфяне, Сасаниды, Ардашир I, Шапур I, Геродиан, Валериан, Филипп Араб.

Annotation: in the III century. AD In Asia, a new state formation – Sasanid Iran – appears. The new dynasty starts realizing its foreign policy doctrine, the essence of which was the restoration of the Persian state within the borders of the Achaemenid kingdom. However, in the West, the Persians had the strongest rival in the person of the Roman Empire. Relations between the two states for several centuries were a series of military conflicts and clashes for hegemony in the front Asian region. The new war with Rome in 260 completely defeated the imperial troops, as a result of which the Roman emperor was captivated by the eastern conquerors. So, what contributed to the military successes of the Persians in relations with Rome after a series of conflicts Parthians?

Key words : parthians, Sasanides, Ardashir I, Shapur I, Herodian, Valerian, Philippe Arab.

Римско-иранские межгосударственные отношения Античности представляли собой череду военных конфликтов и столкновений, продолжавшихся на протяжении нескольких столетий за гегемонию в переднеазиатском регионе [5].

Затяжной характер носили изнурительные войны Парфии и Рима в период с 53 г. до н.э. до 226 г. н.э. Следует заметить, что межгосударственные отношения Рима с Парфянским царством определялись контролем над такими важными регионами как Сирия, Армения и Месопотамия [1]. К 53 г. до н.э. относится вторжение древнеримского полководца Красса в Парфию, закончившееся неудачей в битве при Каррах. Плутарх рассказывает об устроенном пире армянского царя Артабаза с парфянским правителем Гиродом, на котором голова римского полководца была вынесена во время театральной постановки трагедии Еврипида «Вакханки» [10].

Успешный поход против Парфии в 113 г. н.э. предпринял римский император Траян. Поводом к новой войне явился захват парфянским царем Хосроем союзной Риму Армении. В следующем году император вторгся в Армению, сместив парфянского ставленника. Однако в 114 г. Траяну все-таки пришлось вернуть армянский престол парфянам. Последним из рим-

ских императоров, организовавших поход на Парфию в 214 г., стал Каракалла. Тем временем ослабленное междоусобными войнами Парфянское царство доживало свои последние дни.

Новая страница в истории римско-иранских межгосударственных отношений наступила в III в. н.э. в результате «смены династии Аршакидов новой династией Сасанидов, при которой противостояние на Евфрате набирает новую силу» [9, с. 23]. Причины кровопролитных войн между римлянами и Сасанидами были во многом теми же, что и в парфянскую эпоху. И Римская империя, и держава Сасанидов «представляли собой в этот период по сути дела военные державы, для которых внешняя экспансия была одним из способов существования» [5]. Каждая из двух держав считала себя единственным и полноправным хозяином Передней Азии. Однако более важной причиной всех войн были экономические. Борьба Римской империи с Ираном велась за обладание Верхней Месопотамией, Сирией, Арменией, странами Закавказья и за господство над путями караванной торговли, соединявшими Средиземноморье с Индией, Средней Азией и Китаем [7, с. 111].

Восстание Ардашира I (224–240 гг.) против Аршакидов, приведшее к гибели Парфянского царства и образованию государства Сасанидов, было не только переломным моментом в истории Ирана, но и новым испытанием в отношениях с Римом. Открытые военные действия против Рима, начатые Ардаширом, были закончены только при Шапуре I, его сыне, вступившем на престол в 241 г. Новая война Ирана с Римской империей принесла полное поражение имперским войскам в 260 г. [11, с. 42]. В связи с этим следует рассмотреть вопрос, что же способствовало военным успехам персов в отношениях с Римом после череды серий столкновений парфян?

Упрочив свою власть, Ардашир приступает к реализации своей внешнеполитической доктрины, которая «заключалась в восстановлении территории Персидской державы в границах царства Ахеменидов» [6, с. 19], что означало прямой вызов римлянам. Уже около 230 г. Ардашир осадил Нисибин, затем его войска вторглись в Сирию. На всем протяжении границы с Римской империей начались серьезные столкновения [4, с. 59]. Римский историк Геродиан сообщает, что Ардашир «... непрерывно угонял и уносил всё принадлежащее римлянам; совершая набеги на Месопотамию и проходя на берегах рек лагеря, которые прикрывали Римскую державу... Было, правда, нечто немаловажное, воодушевлявшее его в стремлении увеличить свою державу. Ведь он первым из персов решился напасть на Парфянское царство и восстановить персидское» [3].

Посольство, присланное римским императором Александром Севером с целью переговорить о мире и дружбе, было демонстративно отослано Ардаширом. Затем царь царей отправляет посольство из четырехсот человек персов, «самых высокорослых, разукрашенных драгоценными одеждами и золотом, а также блестящих убранством коней и луков» [3] к Александру, думая поразить римлян видом и обликом персов. Ардашир требовал оставить Сирию и всю Азию и «предоставить персам владеть всеми землями вплоть до Ионии и Карии» [3]. Римский император соответственно был разгневан. Послы схвачены и отправлены во Фригию, где были расселены в предоставленных им поместьях, получив запрет на возвращение в Персию. Война с Римом была неизбежна. Один из авторов «Жизнеописаний августов», Элий Лампридий писал, что Ардашир противопоставил римлянам сто двадцать тысяч панцирных всадников, семьсот слонов и тысячу восемьсот серпоносных колесниц. Война с Римом шла с переменным успехом. По сведениям Геродиана, одна из армий Севера сумела добиться побед в Армении, зато другая, посланная в Месопотамию, была разбита персами наголову, а третья возглавляемая самим императором, сильно пострадала от болезней. Однако потери были велики с обеих сторон. Как свидетельствует Лампридий, по окончании кампании Ардашир выкупил у римлян пленных, так как «персидские цари считают позором для себя, чтобы их подданные были где-то рабами» [2]. После небольшого перерыва военные действия вновь возобновились. В правле-

ние нового римского императора Максимиана I Фракийца (235–238 гг.) персы овладели рядом городов римского Востока, среди которых были Нисибин и Карры [4, с. 60].

Преемник Ардашира Шапур в первой войне (241–242 гг.) против Рима захватил богатую Антиохию и дошел до берегов Средиземного моря. Второй поход царя царей против Рима (256–259 гг.) был еще более удачным: в плен был взят римский император Валериан с большим количеством войск, что было единственным случаем за всю историю римско-персидских войн. Пленные были использованы на постройке плотины и шлюза на реке Карун. Остатки построенных пленными римлянами сооружений сохранялись вплоть до XIX в. и были известны под названием «Плотины цезаря» (Банже кайсар) [7, с. 26]. Умер император в плену. Этому событию в истории Ирана придавалось большое значение. В память о выигранных кампаниях Шапур приказал выбить неподалеку от Бишапура грандиозный скальный рельеф, изображавший триумф над римскими императорами. В одной из сцен этого рельефа под копытами коня шахиншаха лежит один римлянин (Гордиан III), другой стоит коленопреклоненным (Филипп Араб), а третьего (Валериана), шах ведет за собой за руку. Еще на одном рельефе, в Накше Рустаме, между высеченными в отвесной скале гробницами древних персидских царей, Шапур повелел изобразить Валериана или Филиппа в позе просителя, преклонившего колена [4, с. 68].

О роли и значении побед персов над римлянами также свидетельствует тот факт, что по итогам одной из побед Шапура I над войском императора Гордиана III был основан город Пероз-Шапур (Победа Шапура).

Дальновидная политика Ардашира и Шапура превратила Иран в мощное и сильное государство на Переднем Востоке. Новая династия сумела четко определить внешнеполитические задачи Ирана, противопоставив единое и целое государство раздробленности Аршакидов. Опираясь на идеи национального прошлого иранского народа, Ардашир и Шапур приступили к активным действиям в Западном направлении.

Нередко иранские войска одерживали победы над римлянами, однако никогда им не удавалось закрепиться на временно оккупированных территориях. Дело в том, что в Иране не было постоянного войска, как скажем в Риме, а конное ополчение после захвата богатой добычи и пленников стремилось поскорее вернуться домой. Постоянная регулярная армия в Сасанидском Иране будет создана позже при царе Хосрове. Однако античные авторы отмечают целый ряд таких достоинств персидского войска, как его военная организация, жесткая дисциплина, постоянные военные упражнения, хорошее вооружение, что делало персов «грозными даже для очень больших армий» [5]. Как писал Прокопий Кесарийский, римские новобранцы «приходили в ужас при одном имени персов» [5]. Решения о начале крупномасштабных боевых действий принимались персами на военных советах, чему предшествовала серьезная работа разведчиков [5].

Важную роль в подготовке и принятии военно-стратегических решений у персов играли религиозные факторы. Для государственной религии Сасанидской державы – зороастризма был характерен крайний дуализм. Священнослужители-маги – оказывали непосредственное влияние на ход боевых действий, принятие тех или иных стратегических решений. По словам Феофилакта Симокатты, командующий персидским войском, прежде чем начинать боевые действия против римлян, обращался к «магам и прорицательницам» с тем, чтобы они определили исход будущей войны. Например, без общения с «подземными духами, без бесед с предсказателями о будущем, без благоприятных небесных знамений не начинались войны»»; только после «заклания жертвенных животных с целью определения будущего хода военных действий» посреди моста через реку персидские войска переходят границу римских владений. Более того, в ряде случаев маги принимали личное участие в военном командовании, вели от лица шахиншаха военные переговоры [5]. Также свою роль играла религиозная система митраизма, в Иране Митра являлся покровителем договоров, добродетели, дружбы и согла-

сия. Отсюда принцип нерушимости слова у персов, вера в обещание, дарованное царем, вера в подписанные договоры, соблюдение которых гарантирует обязательный успех. Здесь можно сослаться на рельеф с изображением Митры, Шапура II и Ахура Мазды. Божество как бы выступает свидетелем между царем царей и верховным божеством Ахура Маздой, который передает символ власти Шапуру.

Успехам нового правительства способствовало также и то, что персы умело использовали сложное военно-политическое положение, в котором находилась Римская империя в III в. Их активность заставляла императоров отзывать войска из Европы и перебрасывать на восток, что усугубляло и без того тяжелое положение Римского государств. Император Александр Север был убит разгневанными центурионами. В разгар подготовки римлян к продолжению боевых действий произошли события, резко изменившие расстановку сил. Солдаты провозгласили императором Филиппа, а Гордиан был убит. За четыре года, предшествовавших новому вторжению Шапура в 253 г. в Риме сменилось четыре императора Деций (249–251 гг.), Требониан Галл (251–253 гг.), Эмилиан (253 г.) и Валериан (253–260 гг.). Вся эта императорская чехарда происходила на фоне непрекращающихся вторжений на территорию империи германских и других племен на рейнско-дунайской границе. Таким образом, момент для начала новой войны с Римом был выбран Шапуром I весьма удачно.

Даже Аммиан Марцеллин, будучи патриотом Рима, откровенно заявляет, что римляне воевали «скорее оборонительным, чем наступательным образом» (Амм. Марс. XXIX. 1. 2). Ситуация менялась лишь в том случае, если сам Иран погружался в очередной кризис и у Сасанидов не было возможности для активных военных действий на западе.

Со смертью Шапура I заканчивается один из периодов в истории римско-иранских межгосударственных отношений. Рим почувствовал на себе мощь своего нового соседа на Востоке, опыт борьбы с которым был плачевен: восточные провинции империи подвергались вторжениям персов, многие города были разорены и сожжены, а население уничтожено или угнано в рабство. Римское правительство было неспособно к налаживанию эффективного противодействия персидской экспансии, и лишь эпизодически ему удавалось отразить вторжения персов на свою территорию и организовать ответные действия [6, с. 29].

Однако к концу III в. соотношение сил стало меняться. В Персии после смерти Шапура началась полоса междоусобных войн и внутривосточной дестабилизации, силы государства таяли в борьбе претендентов на престол. В то же время империя постепенно начала оправляться от последствий кризиса III в.

Таким образом, военные конфликты с Римской империей явились для Сасанидской династии наследием Аршакидов. Столкновению двух государств способствовали, прежде всего, экономические и территориальные причины. Однако на этот раз шахиншахи провозгласили новую внешнеполитическую доктрину – восстановления империи Ахеменидов в прежних границах. Наличие четко поставленной цели, военное искусство Сасанидов, роль религии в принятии военно-стратегических решений у персов, и, конечно же, кризис Римской империи III в. определяли активные военные действия Ардашира и Шапура в западном направлении.

Список использованных источников и литературы

1. «100 великих войн». М., 2001. [Электронный ресурс] URL: http://war1960.ru/ancient/rim_parf.shtml (дата обращения 05.04.2018)
2. АЖА, Александр Север. [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1475001800> (дата обращения 05.04.2018)
3. Геродиан. История императорской власти после Марка [Электронный ресурс] URL: <https://libking.ru/books/sci-/sci-history/135771-gerodian-istoriya-imperatorskoj-vlasti-posle-marca> (дата обращения 05.04.2018)

4. *Дашиков С.Б.* Цари царей – Сасаниды. М., 2008.
5. *Дмитриев В.А.* «Всадники в сверкающей броне»: Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/315919> (дата обращения 05.04.2018.)
6. *Дмитриев В.А.* Борьба Римской (Византийской) империи и Сасанидского Ирана за преобладание в Передней Азии (III – VII вв.). Асков, 2008.
7. *Иванов М.С.* История Ирана. М., 1977.
8. *Иванов М.С.* Очерк истории Ирана. М., 1952.
9. *Габелко О.Л., Рунг Э.В., Сеницын А.А., Смыков Е.В.* Иран и античный мир: тысяча лет взаимоотношений / Iranica. Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н.э. – VI в. н.э. Казань, 2017.
10. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Красс. 33. [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1439002800#16> (дата обращения 05.04.2018)
11. *Струве В.В.* История Ирана с древних времен до конца XVII века. Л., 1958.

Внешиполитическая стратегия как фактор политогенеза (на материале северных фракийцев)

Папцова А.К.

доктор философии Комратский государственный университет

Аннотация: Статья посвящена проблеме выстраивания внешнеполитической стратегии как одному из аспектов политогенеза. Внешняя угроза или возможность захвата некоего объекта (сакрального или материального) являются эффективным средством консолидации племен или родов. Однако эффективность этого фактора социополитических трансформаций связана с разработкой долгосрочной стратегии.

Ключевые слова: политогенез, внешнеполитическая стратегия, северные фракийцы, геты, даки.

Annotation: The article considers the problem of building an external political strategy as one of the aspects of politogenesis. The external threat or the possibility of capturing an object (sacral or material) is an effective means of consolidation of tribes or clans. However, the effectiveness of this factor of sociopolitical transformations is connected with the development of a long-term strategy.

Key words: politogenesis, the external political strategy, the northern thracians, politogenesis, the Getae, the Dacians

Проблема выявления факторов политогенеза предполагает как анализ их и их сочетания в рамках конкретных примеров политической эволюции, в ходе которой формировались государственные структуры, так и выявления универсальных механизмов, этапов процесса усложнения политической структуры того или иного древнего общества. По существу, речь идет о кристаллизации структур, посредством которых преодолевались архаические связи и отношения, представляющиеся аморфными, но легко воспроизводящиеся и потому достаточно устойчивые.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.